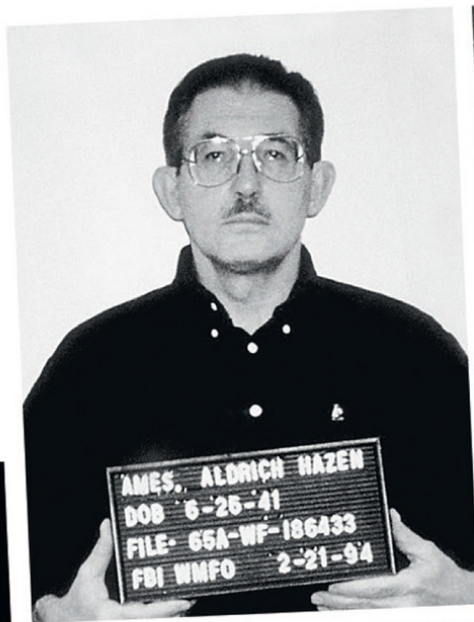

И.Г. Атаманенко

ИЗМЕНА

Без права
на помилование

АНАТОМИЯ
СПЕЦСЛУЖБ

Анатомия спецслужб

Игорь Атаманенко

Измена. Без права на помилование

«ВЕЧЕ»

2020

Атаманенко И. Г.

Измена. Без права на помилование / И. Г. Атаманенко —
«ВЕЧЕ», 2020 — (Анатомия спецслужб)

ISBN 978-5-4484-8170-3

Предательство в форме измены Родине существует с тех пор, как общность людей обрела форму государства, и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу. Анализируя деяния изменников, автор пришел к выводу, что не всегда в основе даже оглушительно громких случаев предательства лежит тяга к наживе. Поэтому в книге исследовано не столько само событие измены, но причины и мотивы, способствовавшие его совершению. Кроме магистральной темы в книге даны пикантные подробности жизни всемирно известных персоналий: актера Жана Габена, «шансонье парижских бульваров» Мориса Шевалье.

ISBN 978-5-4484-8170-3

© Атаманенко И. Г., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Шпионский роман в Гималаях	6
Глава первая. Курс на сближение	6
Глава вторая. Операция «Узы Гименя»	9
Глава третья. Все дороги ведут в казино	12
Глава четвертая. Подслушанная исповедь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игорь Григорьевич Атаманенко

Измена

Без права на помилование

Предисловие

Для любой секретной службы привлечь к негласному сотрудничеству в качестве агента ученого, журналиста, священника и даже наследного принца и лидера партии – обыденность. А вот завербовать офицера противоборствующей спецслужбы – триумф! Профессионалы такого изменника называют «кротом». Став «кротом», имярек исправно, а иногда с еще большим усердием, чем прежде, исполняет функциональные обязанности на своем рабочем месте, а всю секретную информацию «сливает» новым работодателям. Разумеется, за очень приличное вознаграждение, которое во много раз превышает его должностной оклад в «родной» синекуре.

Анализируя преступные деяния «кротов», фигурантов книги, автор пришел к выводу, что не всегда в основе даже оглушительно громких случаев измены лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подверглось не столько само событие, но причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи Роберта Хансена, офицера Федерального бюро расследований США; разведчика ЦРУ Эдварда Ли Говарда; сотрудника английской контрразведки Майкла Беттани; генерал-майора ГРУ Полякова.

...Неудовлетворенность своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег тщеславию Хансена льстила иллюзия водить за нос начальство, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

Его поступки были обусловлены и другим обстоятельством. Будучи по своему интеллектуальному уровню выше сослуживцев и начальства, Хансен беспощадно критиковал их умственные способности и культурный уровень, втайне презирая их.

Шестнадцать (!) лет сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

...Нечто сродни чувствам Хансена испытывал и Майкл Беттани, офицер МИ. – Правда, его попытки поработать на КГБ пресек Олег Гордиевский, к тому времени полнокровный «крот» английской СИС в нашей Службе внешней разведки.

...Сбежав в СССР, Эдвард Ли Говард все время мысленно возвращался к той несправедливости – увольнению из ЦРУ, – которая, по его мнению, сломала ему жизнь.

По изготовленным на Лубянке документам он выезжал в страны Западной Европы и даже в США. В эти авантюры он пускался, не преследуя личной выгоды, а лишь для того, чтобы вновь и вновь выставить ЦРУ и ФБР дураками, которые несправедливо с ним обошлись, не дав прославиться и стать национальным героем Соединенных Штатов Америки.

...Петр Попов и Леонид Полещук стали изменниками, угодив в «медовую ловушку»; Юрий Носенко, Геннадий Вареник и Роберт Пелтон пошли на предательство исключительно из-за денег.

...Особняком стоят преступления старших офицеров КГБ Шеймова и Запорожского. Читатели могут сами разобраться в мотивах, побудивших отступников пойти на измену Родине.

Часть I. Шпионский роман в Гималаях

Глава первая. Курс на сближение

Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной, утопающей в цветах, высокогорной долине в Гималаях. Жизнь коренных обитателей Поднебесья Мира течет, вернее, парит над земной суетой спокойно, размеренно и величаво.

Сегодня верится с трудом, что совсем недавно этот райский уголок представлял собой театр боевых действий, где проходила передняя линия невидимого фронта холодной войны.

«Рыцари плаща и кинжала» из противоборствующих спецслужб превратили этот край обетованный в ристалище для своих тайных дуэлей, плели здесь паутину интриг, а вербовки и похищение секретов, подкуп и измены были повседневной нормой жизни бледнолицых пришельцев с Равнины...

...В 1974 году в советскую дипломатическую миссию в Непале на должность атташе по культуре прибыл Леонид Георгиевич Полещук.

Разведчик по профессии, авантюрист и ловелас по жизни, не пропускавший ни одной юбки, он очень быстро понял, что в Катманду ему не развернуться.

Его страсть – развлечения, но их, увы, в городе было явно недостаточно. А работавшие в нашем посольстве женщины все, как назло, замужем – не подступиться даже такому искушенному дамскому угоднику и сердцееду, каким был Полещук.

Последнее обстоятельство удручало более всего, потому что весь следующий год разведчик должен был провести без жены, оставшейся в Москве.

Эпизодические набеги в местные дома терпимости удовлетворения не приносили, и свой похотливый взор молодой капитан фокусирует на иностранках, посещающих культурный Центр для сотрудников дипломатических миссий, аккредитованных в Непале.

Этот гигантский комплекс, возведенный на американские деньги и являвшийся собственностью Соединенных Штатов, поразил воображение Лени Полещука, парня из страны березового ситца.

Бассейн с морской водой, теннисные корты, летний кинотеатр, видеозал (о видео, этом чуде техники, в Союзе еще не слыхивали!), бильярд, спортивные площадки, сауна, школа, поликлиника, куда приезжали лечить хвори король Непала и члены его семьи. Да и окружение монарха – придворные вельможи считали хорошим тоном хотя бы раз посетить лечебно-оздоровительный комплекс при американском культурном Центре.

Его территория обнесена двумя бетонными заборами с «колючкой», через которую пропущен электрический ток высокого напряжения. Вход и выход – под неусыпным контролем видеокамер. Ворота управляются из будок, напоминающих армейские доты, в которых сидят американские морские пехотинцы.

Аллеи и постройки Центра утопают в зелени, а аромат огромных, в человеческий рост, алых роз, кажется, пропитывает твою одежду и тебя самого насквозь.

Восторг Полещука от увиденного великолепия сменился озлоблением в адрес руководства КПСС и родного правительства, как только ему стало известно, что месячное жалованье американского сержанта из охраны Центра почти в два раза превышает его капитанский оклад. Полещук получал 500 долларов, сержант – Столько же получал «резак» – глава резидентуры КГБ в Непале полковник Тимофеев.

Регулярно посещая оазис «сладкой жизни» – культурный Центр, – Полещук вскоре перезнакомился со всеми американскими дипломатами. Это входило в круг его служебных обязанностей, ибо прибыл он в Непал для изучения персонала американской дипмиссии и подбора в

ее среде кандидатов на вербовку. В том обществе, наполовину состоявшем из представительниц прекрасного пола, особенно выделялась возмутительно яркая блондинка Сэнди Греймс. Разумеется, Полещук не мог упустить свой шанс и сразу ею увлекся.

И хотя Леонид не был новичком на ниве покорения женских сердец, однако, наблюдая за американкой со стороны, он терялся в догадках о ее возрасте – уж чересчур раскованно и даже беспечно она себя вела.

С одной стороны, «поясок» у подбородка указывал на то, что Греймс уже перешагнула тридцатилетний рубеж. Но с другой...

«Нет-нет, конечно, ей еще нет тридцати – столько живости и задора, столько грации в движениях, – размышлял капитан-повеса, с искренним восхищением следя за легкой поступью американки. – А как заразительно она смеется! Да и может ли умудренная жизнью женщина так по-детски наивно воспринимать простые вопросы? Безусловно, она моложе меня! – подвел итог своим рассуждениям Полещук, которому незадолго до прибытия в Непал исполнилось двадцать восемь лет. – Да и какая, к черту, разница... Любовь ровесников не ищет, а женщины сдаются лихим гусарам, а не скулящим студентам, поэтому вперед, Леня, на приступ!

Стоп! А не попробовать ли привлечь ее к негласному сотрудничеству? Нет, разумеется, не сразу. Сначала определим, чего она стоит как партнерша в постели. В ходе интимных забав в алькове выясним, какими возможностями она располагает на службе, а там уж видно будет, стоит ли овчинка выделки – можно ли использовать ее в наших интересах... Путь не близкий, но, как говорит шеф, „дольше едешь – больше командировочных“, что в моем случае означает дольше флиртуешь – больше удовольствий получаешь...

Кстати, о шефе... Пожалуй, не буду торопиться с докладом... Если Греймс – ноль в оперативном плане, то сделаю ее своей наложницей. Да и вообще, зачем сломя голову устремляться к вершине горы? Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет – это аксиома!

Впрочем, постель сотрудничеству не помеха. Практикуют же коллеги – французские спецслужбисты – интим с агентессами, которые у них на связи, почему бы и мне не взять на вооружение их опыт?

Так, пора переходить от рассуждений к действиям! Сегодня же приглашу ее в какой-нибудь экзотический кабачок... Внимание, Леня, она приближается – на бордаж!»

Надо сказать, что Греймс тоже предприняла некоторые шаги для сближения с русским атташе по культуре.

Проявив предприимчивость и инициативу, она сумела оттеснить вероятных соперниц из числа незамужних американок, посещавших Центр, и полностью замкнула на себе внимание новоявленного славянского витязя.

Полещук и мысли не допускал, что Сэнди, это внешне беззаботное существо, может состоять в штате противоборствующего разведсообщества. А между тем Греймс уже девять лет являлась кадровым офицером ЦРУ и в высшие слои этого ведомства поднялась не благодаря своей внешности, но исключительно из-за трудолюбия и оперативного чутья.

По заданию своего шефа, руководителя резидентуры ЦРУ в Непале Джона Беллингхэма, Сэнди приняла приглашение Полещука провести вечер в дорогом столичном ресторане.

* * *

Любовный роман развивался бурно и стремительно, запросы американки росли с каждым свиданием, и вскоре Полещук вынужден был признать себя банкротом. Денег перестало хватать даже на прохладительные напитки и сигареты.

Но... Где наша не пропадала! Полещук нашел выход – деньги можно добыть в казино.

Однажды, отрабатывая маршруты передвижения по Катманду, разведчик заглянул в казино «Ройяль». Заведение покорило его. Полещук чувствовал себя своим среди разношерст-

ной публики из европейцев и североамериканцев, которые толпились возле зеленых столов, где в сумасшедшем ритме метался шарик рулетки.

Здесь была та самая атмосфера полнокровной жизни на час, сладкого риска и погони за удачей, оценить которые может лишь игрок-авантюрист, мечтающий разбогатеть в одно мгновение.

Казино на две недели стало вторым домом Леонида. В надежде ухватить за хвост «птицу счастья» он приходил туда каждый вечер и уходил под утро.

Случайно обломившиеся мизерные суммы жгли ему ладони, он тут же покупал новые фишки – мысль мгновенно разбогатеть стала навязчивой. Тщетно. Ему фатально не везло – он проигрался в пух и прах. А новая пассия становилась все более привередливой и требовательной – за каждое свидание, начинавшееся в очередном экзотическом бунгало и заканчивавшееся у нее на вилле, она требовала все более дорогие подарки...

Чтобы рассчитаться с владельцем казино и не потерять любовницу, к которой успел накрепко привязаться, Полещук залез в кассу резидентуры.

Положение стало отчаянным, когда одолженную воровским способом сумму погасить не удалось, даже продав роскошную кинокамеру «Кварц» и фотоаппарат «Горизонт» западногерманскому дипломату.

Обанкротившийся донжуан отдавал себе отчет, что если он не найдет выход из положения, то к краже оперативных денежных средств прибавятся и другие пункты обвинения.

Глава вторая. Операция «Узы Гименя»

Неожиданно на помощь Полешуку пришла сама любовница. Предложение Сэнди было до гениальности просто: тайно обвенчаться в индуистском храме, а затем, не раскрывая перед окружающими истинного характера отношений, жить с соблюдением строгой конспирации под одной крышей и, разумеется, иметь общий семейный бюджет.

Полешуку, авантюристу по натуре, идея пришлась по душе – он надеялся воспользоваться деньгами американки, чтобы погасить задолженность.

Да и вообще, черт возьми, какими изобретательными становятся женщины в своем стремлении заполучить права, хоть и временные, на вожделенного мужчину!

А в том, что Сэнди влюблена в него, Полешук не сомневался ни на минуту. Да и может ли быть по-другому, если американка сама вызвалась стать его женой, даже не поинтересовавшись ни его семейным статусом, ни сроком его дальнейшего пребывания в Непале. Конечно же она влюблена в него по уши!

Высокомерный и заносчивый красавец капитан и мысли не допускал, что его, матерого аса разведки, кто-то может загнать в ловушку здесь, в Катманду – в этом Богом забытом уголке мира.

А вместе с тем Сэнди, выступая в роли обольстительной приманки, как раз и выполняла роль «медовой ловушки» для русского разведчика.

Полешук согласился, но с одним условием: венчаться они будут не в Катманду, а в Дели, куда ему предстоит вылететь для встречи с агентом «Шахом», который более двадцати лет работал на КГБ.

«Нет проблем!» – ответила Сэнди и в тот же день приобрела на деньги своего ведомства два авиабилета в Дели...

* * *

Бракосочетание происходило в престижном районе индийской столицы Шанти Никитан. Там, в одном из живописных скверов, для этих церемоний сооружен огромный брезентовый разноцветный шатер, внешне напоминающий цирк шапито.

«Черт побери! – завидев храм-шатер, мысленно воскликнул жених. – Чем-то весь этот спектакль напоминает мне венчания белогвардейских офицеров в походно-полевых условиях Гражданской войны у нас в России... Ну что ж, придется и мне называть Сэнди „ППЖ“ – походно-полевая жена. Нет, скорее „ПКЖ“ – походно-конспиративная жена!»

...В роли священника выступал жрец-индус, который, как пояснила Сэнди, за умеренную взятку согласился узаконить тайный брак инородцев.

Тренированным движением он привязал красивым витым шнуром угол сари, в который была облачена невеста-Греймс, к белому шарфу, накинутому на плечо жениха-Полешука.

Затем, громко произнося заклинания на санскрите, он семь раз провел жениха и невесту вокруг жертвенного огня.

В это время какие-то люди, очевидно, подручные жреца, из кромешной темноты шатра бросали в огонь рис и черпаками плескали туда кокосовое масло – жертвоприношения для богов.

В заключение церемонии жрец на чистейшем английском языке объявил конспираторов мужем и женой, вручил каждому из них по конверту и пригласил к столу, на котором были разложены угощения: выпечка, восточные сладости, фрукты, чай и прохладительные напитки.

Полешук взглядом поискал бутылку виски, к которому успел пристраститься в обществе Сэнди, но затем вспомнил, что индусские свадьбы традиционно безалкогольные.

А жаль, новоиспеченному мужу так хотелось опрокинуть стакан-другой настоящего шотландского вискаря в честь венчания – когда-то еще можно будет почувствовать себя султаном-многоженцем!

В порыве страсти Полещук всем телом прижался к новоиспеченной жене и горячо зашептал ей на ухо:

– Дорогая, а тебе известно, что у индусов существует такое поверье, что смертью мужа боги наказывают жену за ее грехи? Поэтому она должна последовать за мужем на погребальный костер. Этот обычай называется *сати*, что в переводе с санскрита означает «вечная жена»... Неужели ты об этом не знала, моя милая затейница, когда устраивала наше бракосочетание?

– Мой дорогой, я впервые слышу об этом! Ты находишься в Непале меньше, чем я, а вместе с тем тебе, оказывается, известны такие сенсационные подробности индуистских традиций, как же так?!

– Не забывай, дорогая, что я – атташе по культуре, поэтому изучение традиций индуизма входит в круг моих служебных обязанностей... Что же касается сожжения жен, то существует два вида сати – «сахамарана» (смерть вдвоем) и «анумарана» (смерть в одиночку). В первом случае вдова сжигает себя вместе с трупом супруга, во втором – женщину, предварительно накачав наркотиками, сжигают добрые родственники после кремации усопшего. Если же она попытается выскочить из огня, то несчастную оглушают дубинкой... Скажи, ты какой вид сати предпочитаешь?

– После всего услышанного я предпочла бы умереть раньше тебя... А до этого обязуюсь беречь тебя как зеницу ока. Насколько я понимаю, теперь это входит в круг моих супружеских обязанностей, ведь так, дорогой?

– Это мне подходит! – весело ответил разведчик, польщенный понятливостью своей подруги-жены.

Выйдя из храма, Полещук первым делом открыл конверт.

Мама моя родная, держите меня семеро! – внутри находилось исполненное на английском языке свидетельство о браке, куда были вписаны истинные анкетные данные разведчика – вопиющая наглость жреца!

Полещук еще раздумывал, что ему предпринять: вернуться в этот брезентовый храмшапито и демонстративно швырнуть конверт в жертвенный огонь или устроить этому взяточнику-священнику допрос с пристрастием, – как вдруг услышал характерный щелчок замка сумочки, которую Сэнди держала в руках, – там исчез второй экземпляр свидетельства о браке.

Взгляды молодоженов встретились. В глазах американки полыхал огонь триумфа – игра сделана, теперь ты – мой официальный муж!

Двоеженец понял, кем инициировано письменное оформление их тайных супружеских отношений.

«Но зачем она это сделала? – спрашивал себя Полещук. – Неужели эта великовозрастная дуреха надеется таким способом навсегда привязать меня к себе?! Если это так, то она – святая простота! А если... Нет-нет, без всяких „если“! Ясно как божий день: девочка влюбилась в меня по уши и начала чудить... Ладно, сейчас мы все разложим по полочкам!»

Заорав во всю глотку: «Такси!!» – Полещук так резко схватил Сэнди за руку, что та от неожиданности вскрикнула:

– О нет, Леон!

«Ничего, девочка! – подумал разведчик, волоча женщину к проезжей части дороги. – Сейчас ты у меня быстро усвоишь разницу между мною и этими безобидными побирушками в лохмотьях, которые нас окружают... Я тебе не индус, не сын оборванца Махатмы Ганди, я – советский разведчик! Сейчас мы тебя быстро расколем, кто тебя надоумил на выписку свидетельства о браке, да еще и в двух экземплярах!»

Расколоть Греймс не удалось даже после второй бутылки виски. Сам же брачный аферист напился так, что, проснувшись поутру в роскошном номере делийского «Хилтона», долго не мог сообразить, где находится и что это за женщина, которая обнаженной лежит рядом...

В голове с грохотом перекатывались бильярдные шары похмелья, настроение встречаться с «Шахом» пропало напрочь, и Полещук не нашел ничего лучшего, как отказаться от намеченной явки и продолжить возлияния по случаю бракосочетания в каком-нибудь приличном кабаке.

Тем более что Сэнди выразила готовность оплатить все прихоти своего новоиспеченного мужа:

– Ты такой забавный, Леон, когда выпьешь! Ты произносишь удивительные слова. Compliments, которых мне никогда и ни от кого не доводилось слышать... Вообще, я заметила, что все славяне отличаются утонченностью, даже самые несчастные среди них – незаурядны...

Полещук хотел было спросить, где и когда Сэнди успела пообщаться со славянами, чтобы так глубоко познать их психологию, но в постпохмельном бессилии не в силах был пошевелить языком...

В последующем, начиная со дня делийского бракосочетания, все расходы по покупке спиртного возьмет на себя Греймс. Вернее, ведомство, к которому она принадлежала. И ведь было из-за чего!

В доставляемые Сэнди напитки спецы из ЦРУ регулярно подмешивали «сыворотку истины», которая притупляет мозговой центр, отвечающий за самоконтроль, «разжижает» волю, вынуждая испытуемого к произвольным высказываниям. Разведчице оставалось только направлять их в нужное русло уточняющими вопросами, а американским «слухачам» – записывать разглагольствования захмелевшего Полещука.

Таким образом, Беллингхэм вскоре узнал очень много нового о советской резидентуре, ее составе и о взаимоотношениях между советскими разведчиками, действовавшими в Непале.

* * *

Перед отлетом из Дели разведчики заехали каждый в свое посольство.

Сэнди Греймс – чтобы доложить об успешно проведенной операции «Узы Гименя».

Полещук – чтобы составить шифртелеграмму, в которой сообщил о несостоявшейся явке, обвинив во всем «Шаха».

К известию в московском Центре отнесутся с пониманием, потому что необязательность агентов из числа индийцев была общеизвестна. Удивительные люди! Полное отсутствие дисциплины и чувства ответственности перед секретными работодателями у индийцев сочетается с внешне ярко выраженным стремлением помочь своему оператору, оказать услугу, сделать приятное и ни в коем случае не отказать в чем бы то ни было...

Перенос явки с «Шахом» устраивал Полещука и по другой причине: чаще ездишь – больше командировочных. А деньги разведчику были нужны позарез!

Глава третья. Все дороги ведут в казино

Совместное проживание и общий бюджет денег Полешуку не прибавили – Греймс оказалась на удивление прагматичной и экономной хозяйкой: ни одной рупии нельзя было потратить без ее разрешения.

К чести американки, необходимо отметить, что она блестяще справилась со своей ролью обольстительницы и сумела не только сохранить втайне от «суженого» свою принадлежность к ЦРУ, но и влюбить его в себя. А тот, влюбленный и самонадеянный, так ничего и не заподозрил...

Закончился медовый месяц, и Полешук понял, что притворный брак его финансовых проблем не устранил. И тогда он вновь вернулся к идее сорвать банк в казино, хотя прекрасно помнил, что это заведение однажды уже превратило его в банкрота. Успокоил себя тем, что две бомбы в одну и ту же воронку не ложатся.

Кроме того, в этот раз он намерен был действовать не очертя голову, но по-чеккистски основательно, детально проработав все возможные варианты и, самое главное, разузнав как можно больше подробностей о своих потенциальных партнерах по карточному столу – играть в рулетку он себе запретил, чтобы не испытывать более судьбу.

С помощью оперативных источников, находящихся у него на связи, Полешук сначала провел предварительную рекогносцировку на поле предстоящих сражений. Выяснил, что в казино для игры в очко и баккара регулярно собирается компания, в которую входят «братья по идеологии»: первый секретарь посольства ПНР Войцех Каменский, комендант посольства ЧССР Любомир Гржинек и консул из ГДР Курт Фогель.

Такого подарка от судьбы Полешук давно не получал! Очко и баккара – забавы, которым он ночи напролет предавался во время обучения в спецшколе и в коих достаточно поднаторел.

Он виртуозно «заряжал» колоду, умел передернуть карты, не понаслышке знал многие «мульки» – ухищрения, – то есть владел всем арсеналом средств, к которым прибегают карточные шулеры, чтобы «глушить лохов» – опустошать карманы партнеров.

Все вместе взятое внушало уверенность, что на этот раз успех ему обеспечен и он обязательно сорвет куш.

Консул в компании слыл везунчиком, Богом помазанный, удачей помеченный. Там, где другие выбивались из сил, чтобы выиграть толику, ему валом валило.

Чех и поляк игроками были никудышными, поэтому никогда особо не рисковали, метали по-нищенски малыми суммами, рассчитывая не на свое умение, а на удачу.

Кроме восточных демократов в компанию игроков входил еще один фигурант, чье хроническое невезение в картах выглядело особо соблазнительно для Полешука. Именно на него он делал ставку, рассчитывая поправить свои финансовые дела.

Врач из Австрии Бруно Гольдман вносил диссонанс в социалистическое картежное сообщество. В отличие от своих партнеров иноверец имел одно существенное преимущество – он имел деньги. Располагая практически неограниченными суммами, он никогда не покидал стола, даже если ему не шла карта.

Случалось, что он продувался до последнего цента (играли только на доллары – местная валюта среди игроков не котировалась) и, по идее, должен был бы прекратить игру ввиду утраченной кредитоспособности, но какое там! Каждый раз, исчерпав ресурс своего бумажника, Гольдман выпрыгивал из кресла и с традиционным возгласом: «Айн момент!» – покидал соратников, чтобы через пятнадцать минут вернуться вновь с деньгами.

Однако главными отличительными чертами доктора являлись его порядочность и обязательность. Хотя Гольдман зачастую и расставался с крупными суммами, он никогда никому не оставался должен. А это и есть первая заповедь, принцип и основа взаимоотношений това-

рищей по ломберному столу. Карточный долг есть карточный долг. Не отдать его – святотатство, а потребовать его вправе даже последний забулдыга, оборванец с окраины Катманду, что уж говорить о достопочтенных джентльменах – сотрудниках дипломатических миссий, пусть и социалистических стран!

Как стало известно Полещуку, австриец не всегда проигрывал. Иногда ему шла такая «пруха» – так везло, – что всякий раз остальные игроки считали лучшим для себя выходом из положения сказатьсь больными, сослаться на ответственное утреннее совещание, лишь бы побыстрее завершить турнир.

Но все-таки чаще Гольдман оставался в проигрыше, а выигрывал у него, как правило, консул.

Однако, судя по всему, этот факт Гольдмана не очень беспокоил. Что свидетельствовало о том, что ему важен сам процесс, а не итог карточной баталии.

При любом исходе игры он с неизменной улыбкой отдавал или забирал деньги и непременно заказывал для всех по рюмке сухого «мартини».

Никого из партнеров не интересовало, где доктор берет деньги, хотя они и подозревали, что их происхождение не совсем безупречно, а может быть, и незаконно.

По одной из версий, о которых русскому разведчику доложила агентура из числа местных жителей, Гольдман подпольно абортировал состоятельных аборигенок. По другой – кроме отправления основной профессии он скупал крупные партии опийного мака и переправлял его в европейские лаборатории для переработки в героин.

Об этих версиях партнеры Гольдмана знали, но никто из них не пытался ни подтвердить, ни опровергнуть их. Да и какая им польза от этих подозрений, если у каждого из них были свои «тараканы в голове» и свой «скелет в шкафу»?

Гржинек приторговывал чешским хрусталем, в основном люстрами, которые у местной знати пользовались огромным успехом.

Каменский делал бизнес на дешевых польских лекарствах и янтаре, который под видом «осколков Луны» шел нарасхват.

Как ни странно, лишь консул ничем не торговал. Впрочем, ничем, кроме въездных виз в ГДР, у него и возможности-то торговать не было. Но кому они здесь, в Непале, да и вообще в мире, нужны? Непальцев, желающих взглянуть вблизи на «витрину социализма», Полещук что-то не встречал. Поэтому наличие свободных денег у гэдээровского дипломата капитан объяснил просто: Фогель – платный агент Министерства государственной безопасности (МГБ) Германской Демократической Республики.

«Раз у консула водятся деньжата, которых хватает на картежные забавы, – рассуждал Полещук, – значит, он подключен к какой-то оперативной разработке. Иначе на какие шиши играл бы Фогель, ведь у всех гэдээровских дипломатов нищенская зарплата!

Не исключено, что объектом заинтересованности МГБ, по которому работает Фогель, как раз и является Гольдман. Таким образом, если моему шефу, полковнику Тимофееву, станет известно о моих визитах в казино, я свое присутствие смогу оправдать необходимостью „пощупать за вымя“ доктора, чтобы оценить, может ли он представлять для нас оперативный интерес...

Но пока информация о том, что я посещаю казино, дойдет до резидента, я уже успею „высадить“ и Гольдмана, и консула из денег.

Выворачивать карманы братьям-демократам я не намерен, и не потому, что испытываю к ним чувство идеологической солидарности, отнюдь! Просто с них много не получишь, так как играют они на те деньги, которые эпизодически им случается урвать...

Кстати, есть еще одна причина, почему можно чувствовать себя спокойно в компании братьев по идеологии: они никому не проболтаются, что к игре подключился советский дипломат. Ведь для каждого из них это означает саморазоблачение, ибо откуда ты знаешь, что атташе

по культуре посольства СССР посещает казино, если сам там не бываешь? Так что болтовня для них чревата досрочным откомандированием из Непала, – им же категорически запрещено посещать злачные места...

Этот расклад меня вполне устраивает, – подвел итог Полещук. – В общем, смелее в бой, торeadор!»

Глава четвертая. Подслушанная исповедь

Консул первый заметил Полещука, когда тот перешагнул порог кабинета для игры в карты и, как ему показалось, даже заговорщицки подмигнул.

«Очень даже может быть, что он меня узнал, – решил про себя разведчик, – мы же неоднократно встречались на дипломатических приемах, хотя представлены друг другу не были. Что ж, это знакомство не повредит – если карта не пойдет, будет у кого перехватить сотню-другую...»

Все встали.

Полещук, чтобы упредить возможный угодливый жест Фогеля, поспешил представиться сам. Таким образом, разведчик дал знать консулу, что их знакомство должно остаться тайной для остальных партнеров.

Чех и поляк, узнав, что вновь прибывший – советский дипломат, то есть «старший брат», от которого можно ожидать подвоха, поостереглись оглашать свои должности, назвав только свои имена.

По окончании церемонии рукопожатий и дежурных улыбок русскому дипломату предложили занять место за столом и взять карту. Предложение прозвучало сигналом, что он принят в компанию сразу и без предварительных условий – так наркоманы со стажем охотно делятся с новичком своей дозой зелья, чтобы покрепче пристегнуть его к своей колеснице... Однако сегодня Полещук не собирался бросаться в воду, не зная броду, – он намерен был реализовать заготовленный план пункт за пунктом.

– Господа, – обратился капитан к собравшимся так, будто и не ведал, что перед ним почти сплошь «товарищи», а не господа, – я просто хотел понаблюдать за игрой... С вашего позволения, конечно!

– Appetit приходит во время еды, господин атташе, – заявил Гольдман, – боюсь, что у вас он может появиться именно в тот момент, когда яства на столе закончатся...

– Что ж, в таком случае я не премину явиться к следующей обедне, – парировал Полещук.

Собравшиеся ответили на реплику дежурными улыбками. Полещук, чтобы ускорить процесс сближения, придвинулся к столу и стал наблюдать за игрой, исподволь присматриваясь к игрокам.

Начал с консула, который своими барскими манерами и обстоятельностью значительно отличался от своих компаньонов.

Консул, высокий, худощавый пятидесятилетний мужчина, с благородными чертами лица, с рыжеватой, уже седеющей шевелюрой и подстриженными на английский манер усиками, в своем строгом темно-коричневом костюме напоминал Полещуку университетского профессора, экзаменующего нерадивых студентов. Впечатление дополнял взгляд Фогеля. О, это был взгляд человекаведа и... актера одновременно! В его серо-зеленых глазах поочередно сменялась целая гамма эмоций: цепкие и хищные, они в одно мгновение могли стать ироничными и даже обволакивающе-нежными. Странно, но при этом выражение лица оставалось неизменно бесстрастным.

Гржинек был полной противоположностью консула.

«Рожа никудышная, ни носа, ни глаз, – отметил про себя Полещук, – никакого выражения – петля от наволочки, да и только. С такой внешностью тебе бы, пан Мирослав, не дипломатом – сыщиком в „наружке“ служить: пройдешь рядом – никто и не заметит...»

Первый секретарь польского посольства Каменский производил отталкивающее впечатление: непропорционально большая голова с огромными зальсынами раскачивалась на длинной шее, прикрепленной к щуплому, по-детски хрупкому телу с короткими кривыми ножками. Его надутые пухлые губки демонстрировали преждевременную обиду на окружающий мир.

«Ницше, вылитый Ницше! Горба на спине ему не хватает и... ума! А в остальном... Да и закомплексованность та же. Вообще, давно замечено: чем меньше человек, тем больше его комплексы», – сделал заключение Полещук, понаблюдав за поляком.

Однако самой колоритной фигурой в компании был Гольдман.

Атлетического сложения при росте 180–185 см, тридцати лет от роду, он был воплощением красивого молодого арийца, прообразом «белокурой бестии».

Полещук вдруг представил Гольдмана в форме офицера СС, позирующим фотографу на фоне виселицы, где раскачиваются окоченевшие трупы партизан.

Еще через секунду разведчику пришло в голову, что доктор одинаково впечатляюще смотрелся бы и во фраке за дирижерским пультом.

«Удивительно многогранная внешность! – подумал Полещук. – Доктор с одинаковым успехом может сойти и за преуспевающего бизнесмена, и звезду киноэкрана, и молодого посла какой-нибудь европейской державы...»

Да, пожалуй, Гольдман своей внешностью, манерами, лоском более других присутствующих соответствует образу дипломата... Нет, скорее английского аристократа эпохи Оскара Уайльда... А эта его мальчишеская чувственность с намеком на бисексуальность! Она наверняка сводит с ума и женщин бальзаковского возраста, и нимфеток, и мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации... Интересно, кому из них большее предпочтение отдает доктор? Ладно, события покажут!»

Посидев еще минут десять и отразив несколько пикировок доктора, чем навлек на себя очевидную неприязнь консула, Полещук решил, что настал момент приступить к реализации второго пункта плана: пора вводить в действие «секретное оружие».

За глаза люди о тебе высказываются куда как свободнее и искреннее, нежели в твоём присутствии. Надо было немедленно «снять информацию» – выяснить реакцию компании на свое неожиданное появление, чтобы знать, как вести себя в дальнейшем.

С этой целью перед визитом в казино Полещук оснастил свой портфель микрофонами, магнитофоном и ретрансляционными приборами. Второй блок шпионской аппаратуры, работавшей на прием, он рассовал по карманам пиджака.

Выразительно посмотрев на часы, разведчик поднялся.

– Прошу прощения, господа, мне срочно надо позвонить в посольство... Телефон, если не ошибаюсь, находится в холле, не так ли?

Интернациональная бригада картежников в один голос ответила по-английски: «Да!»

Лишь консул, делая вид, что всецело поглощен игрой, еще больше нахмурил брови и сосредоточенно смотрел в свои карты.

Поведение Фогеля не осталось незамеченным.

«Да ты, старина, никак приревновал меня к доктору! – догадался Полещук, – успокойся, партайгеноссе, вот вернусь, и ты свою порцию внимания получишь сполна... Сегодня я вас – тебя и доктора – постоянно буду держать под прицелом, вы оба – мои клиенты в предстоящей игре!»

Поставив портфель на стул, чтобы залетный гость не занял его место, Полещук быстро покинул кабинет, ставший теперь студией звукозаписи и вещания.

Двигаясь в сторону туалетной комнаты, которая на ближайшие 10–15 минут должна была стать его базой по аккумулярованию информации, Полещук на ходу оголил антенну, спрятанную в нагрудном кармане пиджака, а в ухо вставил миниатюрную капсулу, заменявшую громоздкий наушник.

«Эх, судьба разведчика! – заулыбался от неожиданно пришедшей мысли Полещук. – Даже отхожее место в случае необходимости надо уметь превратить в исповедальню... И откуда только ни приходится черпать информацию!»

Ну, давайте, хлопцы-дипломаты, начинайте исповедоваться, выкладывайте все, что у вас на душе – я, как духовник, готов принять все ваши сокровенные тайны! А грехи я буду отпускать вам за ломберным столом соразмерно вашей искренности...»

Закрыв дверь кабинки на щеколду, Полешук поудобнее уселся на унитазе и стал вслушиваться в реплики, которыми обменивались игроки.

После его ухода они должны были почувствовать себя в безопасности и, по расчетам капитана, хоть чуть-чуть, но пооткровенничать – остались-то все свои.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту перестала звучать картежная терминология, прекратилось и шуршание карт. Судя по всему, компаньоны приостановили игру, чтобы обсудить более важное событие: появление незваного гостя.

– Этот русский, он же – черт из катапульты! – вскричал поляк. – Нигде от них спасу нет!..

– А что, собственно, произошло, пан Войцех? – Полешук узнал голос консула. – Вам-то чем русские насолили? Через год вы в обнимку с ними будете праздновать тридцатилетие победы над Германией... Что-то я не совсем вас понимаю...

– Да ведь все русские, как один, работают на КГБ... Вы разве не знаете этого, герр Фогель? Он наверняка подослан сюда! – настаивал поляк. – Он же нас всех заложит, этот Леон! И тогда прости-прощай Гималаи и Непал... А у меня еще столько янтаря на подходе...

– Ну и что вы предлагаете, пан Каменский? Уж не хотите ли вы, чтобы я на правах главного разводящего в игре выводил его отсюда? – парировал консул.

– Нет-нет, герр Фогель, ни в коем случае... Я просто хотел узнать мнение присутствующих, не более... Нам надо выработать какую-то общую стратегию поведения в отношении русского...

Предложение чешского дипломата звучало более радикально:

– Слушайте, господа, а что, если мы его подкупим, а?!

– Вы предлагаете дать ему взятку, так что ли, надо вас понимать, пан Любомир?! Да он швырнет вам в лицо ваши деньги! – запротестовал Каменский.

– Пан Войцех, вы, как всегда, бежите впереди лошади... Подкупить, дать взятку можно по-разному... Можно это сделать так, как предлагаете вы...

– Я?! Я до такого абсурда еще не дошел! Вы за кого меня принимаете, пан Любомир?! Я, видите ли, предложил дать русскому взятку! Вы, именно вы, предложили это сделать, а не я!! – возмущению поляка не было предела.

– Совершенно верно, пан Войцех, именно я предложил подкупить русского, но подкуп осуществить не в лоб, а исподволь... – нисколько не смутившись натиска Каменского, спокойно произнес чех. – Скажем, проиграть ему энную сумму, а? После этого у него пропадет всякое желание докладывать в КГБ о том, зачем мы здесь собираемся... Ну, каково?

– Ну что ж, это неплохая идея, – откликнулся консул. – Можно считать, что у нас уже наметился запасной вариант нейтрализации русского. Только вот в чем загвоздка, господа. Мы ведь ни разу не видели его в деле. А что, если он из разряда «везунчиков», что, если ему карта валом валит или, того хуже, он – шулер, а? В таком случае мы с вашим «подкупом исподволь», пан Гржинек, не то что в луже – в заднице окажемся! Молчите? То-то же! Надо сначала дать ему сыграть, предоставить возможность проявить себя, а потом уже хвататься за головы или... за бумажники!.. Вы-то почему молчите, герр Гольдман, будто вы не из нашей команды? Я, конечно, понимаю – вам не грозит проработка на партийном бюро и досрочная высылка на родину за посещение казино, поэтому вам не понять наших опасений, но вы же наш партнер! Неужели вам безразлично, что наша компания распадется?

– Я не разделяю ваших опасений, господа, потому и молчу... Раньше я считал, что незнание внушает оптимизм. Слушая вас, я пришел к другому заключению: ваше незнание внушает вам пессимизм и опасения... Вам, но не мне! Потому что я знаю о русском чуть более вашего! И уж никак не могу согласиться с господином Каменским, что Леон к нам подослан...

– Но откуда такая уверенность?! – вскричал поляк и, уже взяв себя в руки, спокойно добавил:

– Вы, герр Гольдман, что-то не договариваете... Уж будьте так добры, просветите нас, чтобы мы не громоздили тут нелепицы на небылицы... Поделитесь вашими знаниями о русском, вашей осведомленностью... Ну, невежды мы, что поделаешь!

– Вы преувеличиваете не только опасность, исходящую от русского дипломата, господин Каменский, но и мою осведомленность... Я не ошибся, сказав, что знаю о нем чуть более вашего... Но это «чуть-чуть» позволяет мне не согласиться с вашим видением русского атташе и с вашими выводами в его отношении... Одна случайная встреча подсказала мне, что наш новый знакомый – азартный и весьма увлекающийся мужчина... Полагаю, что он пришел сюда в поисках острых ощущений, а не для того, чтобы выследить, а затем сдать вас, пан Каменский, вашим партайгеноссе из парткома! Думаю, ваши опасения безосновательны...

– Да что вы все ходите вокруг да около, герр Гольдман! – не выдержал поляк. – Говорите же наконец по существу, не дети ведь перед вами! Вы будто молитву перед обедом читаете или проповедь на паперти... Извините, доктор, нервы...

– Может быть, господин Каменский, вы и правы – я несколько затянул вступление... Так вот, теперь по существу. Только должен вас предупредить, сначала мне придется говорить не о русском, а о других, более известных вам персонажах. Так что не торопите меня!.. Вы, конечно, помните громкий скандал в итальянском посольстве, когда в прошлом году повесился их молодой вице-консул... К сожалению, забыл его имя...

– Альдо... Альдо Бевилакка, – подсказал всезнайка Фогель.

– Вот-вот – Альдо! – обрадованно произнес австриец и тут же, поняв свою оплошность, с трагической ноткой в голосе добавил: – Я тогда был приглашен в итальянское посольство, чтобы составить заключение о смерти... Вы же знаете, что до введения в эксплуатацию американского культурного Центра я был единственным врачом-иностранцем в Катманду. Приходилось выступать в разных ипостасях: я был и оперирующим гинекологом, и терапевтом, и даже психиатром... Все это позволило мне проникнуть в такие тайны проживающих здесь европейцев и американцев, что не снились ни непальской полиции, ни местной службе безопасности. Пациенты раскрывали мне такие секреты, которыми не всякий приговоренный к смерти преступник поделится с причащающим его священником.

Словом, о тех людях, живых или мертвых, к которым меня затребовали, я узнавал все. При этом никогда инициатива не исходила от меня, то есть я нисколько не стремился что-то выведать, отнюдь. Если я и задавал вопросы, то лишь с одной целью – чтобы правильно поставить диагноз, не более...

Австриец умолк, налил себе «кока-колы» и стал не торопясь, мелкими глотками, пить. Дипломаты, заинтригованные его рассказом, неотрывно следили за каждым его движением.

* * *

«Черт возьми, теперь ясно, почему гэдээровский консул так обхаживает доктора! – услышав последние слова Гольдмана, Полещук заерзал на унитазах. – Если я правильно оценил Фогеля и он действительно агент МГБ, то он должен участвовать в вербовочной разработке австрийца...

Стоп! А может, он, как и я, „сидит под корягой“ – работает под дипломатическим прикрытием, а в действительности – восточногерманский разведчик? Но почему же мне об этом не сообщил мой „резак“, полковник Тимофеев? Впрочем, какая разница, в какой ипостаси – агента или кадрового разведчика – выступает Фогель! Дело не в нем. Главное – это доктор, который представляет безусловный интерес для любой спецслужбы. Он – находка, вездеход, имеющий в силу своей профессии возможность проникать туда, куда простому смертному не

попасть и за огромные деньги! Молодцы ребята из МГБ, поставили на призовую лошадку, со временем она вас озолотит... Но и я – не промах – догадался-таки, что за птаха этот Фогель!»

Вдруг Полещука осенило. От волнения он даже привстал со стульчака.

«Стоп, Леня, стоп! Ты полагаешь, что этого неотразимого Бруно Гольдмана консул изучает в плане вербовки?! Окстись, Леня, ты просто наивняк! – выругал себя Полещук за ранее выдвинутые и, как теперь ему казалось, опрометчивые предположения. – Вспомни, как консул буквально прожигал тебя взглядом, будто лазером, во время твоих пикировок с Гольдманом. А как он заерзал на стуле, когда ты пару раз похлопал доктора по плечу!..

Фогель влюблен в доктора, он ревнует тебя к австрийцу и даже не пытается этого скрыть! Стоп! А может, у этих арийцев любовный роман! Что ж, вполне может быть, что эти двое страдают „болезнью английских аристократов“... Во всяком случае, поведение консула – красноречивое тому свидетельство... Все, с завтрашнего дня вплотную занимаюсь этими двумя персонажами!

Значит так, телеграммы-молнии в Центр, а пока придут ответы, надо максимально изучить эту любовную парочку через местную агентуру... Ведь если я на правильном пути, консул с доктором должны где-то встречаться – не в казино же они любовью занимаются!..

Так, кто у меня из агентов имеет подход к гостиницам? Ну да, конечно, недавно завербованный агент „Чанг“, он же – полицейский! А что если эти „голуби“ предаются любовным утехам на вилле доктора? У консула негде – гэдээровские дипломаты живут, как в общежитии, в одном доме... И в этом случае мне поможет „Чанг“. Напустит страху на прислугу доктора – они и выложат все как на духу. Впрочем, и напускать не нужно – аборигены, они все заодно и против бледнолицых... В общем, агент получит исчерпывающую информацию, ибо ни одно любовное свидание, как его ни шифровать, в каких условиях максимальной конспирации его ни проводить, от челяди никогда не утаить. Следы греха остаются всегда: измятые или испачканные простыни и наволочки, забытый в ванной комнате перстень, чужие волосы в гребне хозяина, да мало ли что еще, о чем может знать только прислуга! Словом, вперед и только вперед, Леня!

А если консул все-таки мой коллега и изучает австрияка в плане вербовки, тогда что? – капитан в раздумье потер лоб. – Идея! Надо опередить Фогеля, закрепив за собой права на Гольдмана... Всегда есть тот, кто старается сильнее!

Короче, кем бы ни являлся консул, даже если у него роман с доктором, мне ничто не мешает завербовать эту „голубую парочку“ и заставить работать на себя... К тому же на связи у меня еще не было эстетствующих арийцев-извращенцев! Н-да, дела... Удалось ли кому-то еще, кроме меня, обнаружить в Непале, на задворках мировой цивилизации, такую коллекцию явных и тайных сотрудников спецслужб, да еще и „голубой“ окраски? Нет, конечно. А мне вот удалось!

Стоп! А что это там доктор говорил о моей с ним случайной встрече? Уж не путаете ли вы, герр Гольдман, меня с кем-то? Ладно, дослушаем выступление доктора до конца, а там видно будет...»

* * *

– Когда я прибыл, чтобы освидетельствовать труп и составить заключение о смерти, – продолжил свой рассказ доктор, – я уже знал наверняка, что мне предстоит иметь дело с так называемым диалогическим видом самоубийства, это когда в конфликт потенциального самоубийцы включено еще какое-либо лицо, которое, как правило, и является причиной психологического кризиса, корнем зла. В таких случаях уход из жизни совершается потерпевшим из желания вызвать к себе сочувствие или собственной смертью наказать обидчика. До конца доводится лишь небольшое количество таких самоубийств, и то чаще всего по несчаст-

ливому стечению обстоятельств: собирался припугнуть, но допустил либо передозировку, либо поспешность...

Как это, кстати, и произошло с беднягой Альдо... Он накинул себе петлю на шею и повесился в столовой своей виллы в тот самый момент, когда там обычно появлялся мажордом, чтобы накрыть на стол. Мажордом замешкался в винном подвале и, когда вошел в столовую, было уже поздно...

О том, что я столкнулся именно с такой шантажно-демонстративной попыткой самоубийства, свидетельствовала и составленная покойным предсмертная записка, в которой он просил прощения за свой поступок, у кого бы вы думали? Нет, не у Господа Бога и не у своих родителей... Он просил прощения у своей возлюбленной!

– Но при чем здесь итальянец и его возлюбленная, если мы собираемся выстроить линию обороны против русского! – перебил Гольдмана поляк.

– Послушайте, пан Каменский! – не выдержал консул. – Вы или молча выслушайте до конца доктора, или сходите проветриться, пока мы здесь без вас примем решение!

И, перейдя с английского на немецкий, Фогель витиевато выругался и попросил доктора продолжить.

– Надо сказать, господа, что для меня самоубийство итальянца не было такой неожиданностью, как для его коллег из посольства... Дело в том, что незадолго до своей смерти Бевилаква обратился ко мне, и я консультировал его в качестве психоаналитика или психотерапевта – суть не в определении характера консультаций, а в том, что мне удалось выяснить о его взаимоотношениях с любимой женщиной...

– Герр Гольдман, а кто она, как ее зовут? – опять не выдержал поляк.

Доктор не успел ответить, потому что Фогель, отбросив дипломатическую этику, заорал, как фельдфебель на плацу. Да так громко, что Полещук выхватил из ушной раковины микрофон с такой поспешностью, будто это была пчела.

– Вы закроете наконец рот, пан Каменский, или мне на правах старшего попросить вас уйти?! Послушайте, а может, вы хотите сорвать нам игру с русским и поэтому всячески мешаете герру Гольдману? Тогда убирайтесь отсюда немедленно, трус!

– Ну что вы, герр консул, как можно так обо мне подумать... Впрочем, извините... Нервы, понимаете ли... С этого момента я нем как рыба! Прошу вас, герр Гольдман, продолжайте... Считайте, что меня здесь нет!

– Итальянец рассказал мне историю своей любви, – пересев в другое кресло, подальше от поляка, продолжил австриец, – и вот что выяснилось, господа... Я, с вашего позволения, опущу не относящиеся к самоубийству Альдо подробности его знакомства с этой роковой женщиной, скажу лишь, что инициатором их отношений был не он – его возлюбленная. Хотя, как мне признался итальянец, он страстно желал этой связи, но сам бы никогда не решился сделать первый шаг...

И дело не только в том, что женщина была ослепительно красива, она вдобавок была много старше Альдо. Он догадывался об этом, но не подозревал, что разница так велика – тринадцать лет. Ему было двадцать пять, ей – тридцать восемь. Роковое число, потому что ее дочери тоже было тринадцать... Но об этом он узнал позже, а сначала они сняли виллу и стали жить вместе. Что это была за жизнь, я мог судить по отдельным высказываниям покойного.

Ну, во-первых, он мне заявил, что через три месяца с момента заключения ими гражданского брака он стал забывать местоимение «я», так как все решения за него принимала возлюбленная. Альдо же в их содружестве – назвать их временный союз *семьей* у меня не поворачивается язык – не имел даже совещательного голоса.

Она распоряжалась им как хотела. Ну, к примеру, она могла разбудить его в три часа ночи, потому что ей захотелось попробовать пиццу или спагетти «а ля наполетана»...

И что вы думаете? Бедняга становился к плите, чтобы удовлетворить мимолетный каприз возлюбленной.

Когда пицца была готова, она заявляла, что хочет мороженого...

В четыре часа утра, доставив мороженое из ночного ресторана, несчастный Ромео узнавал, что его краля хочет ананас...

И так повторялось по три раза на неделе!

Случались вещи и посерьезнее. Бевилакву собирались перевести на работу в итальянское посольство в Вашингтоне – возлюбленная категорически отвергла это предложение. С ее слов, это помешало бы ее служебному росту. И где?! Здесь, в Катманду!

И это при том, господа, что обычно у женщин на первом месте – чувства, а не работа. Кроме того, женщины, как правило, очень серьезно воспринимают партнера, но не очень серьезно – себя. В случае же с Бевилаквой все было наоборот...

Некоторое время спустя итальянец из оставленного на прикроватной тумбочке письма узнал истинную причину, из-за которой женщина отказалась ехать в Штаты. В Вашингтоне проживали ее родители, у которых на иждивении как раз и находилась ее дочь. Тогда же несчастный узнал и возраст своей возлюбленной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.